

Пожалование было утверждено грамотой, в которой сказано: „а он, Иван, будучи с боярином нашим, со князем Михайлом Васильевичем Шуйским, против тех врагов наших стоял крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость, кровопролитие, службы показал“. Далее таким же образом, слово в слово, повторяется характеристика, данная Путяте при Василии Шуйском.

Следовательно, два лица, находившиеся в разных местах и в различных условиях, были обрисованы одинаковыми героическими чертами подьячского стилистического графарета, причем некоторые новоторжцы решительно отрицали героизм Урусова и даже обвиняли его в том, что он „вору крест целовал“, о чем подали челобитную, хотя она и была отвергнута.¹

Наиболее художественные приемы речи, создающие наиболее сильные интонации, свойственны документам, идущим от образованных представителей церкви, которые, по словам царской грамоты 1616 года к игумену Троице-Сергиева монастыря Дионисию, „подлинно и достохвально извычки книжному учению и грамотику и риторию умеют“.²

В 1611 году жители города Ярославля послали казанскому митрополиту отписку об ополчении, в составлении которой самое близкое участие должны были принять двенадцать человек чернецов и „соборных попов“, подписавших отписку. Изображая бедствия Русской земли, авторы говорят: „А тесноты русским людям не lze исписати: на Москве и по городом вся православные крестьяня от насильства и кормовых правевеж нещадных в смертной скорби сетуют и плачут и рыдают, с часу на час ожидают смерти“.³ „Сетуют и плачут и рыдают“ — это классический пример восходящей градации синонимов.

Возвращения к русскому народу во время польской интервенции патриарха Ермогена представляют не только образец высокого и самоотверженного патриотизма, но и большого словесного искусства: недаром его называли „вторым Златоустом“. „Ныне, — писал Ермоген о своих современниках в грамоте 1611 года, — безумнее всех явишася: оставльше свет, во тьму отпадоша, оставльте живот, смерти припрягошася; оставльше надежду будущих благ, ... в ров отчаяния сами ся свергоше“.⁴ Это тоже классический пример, в данном случае — анафоры.

Можно было бы повторить почти всю теорию художественного стиля на примерах, взятых из московских грамот. Но я не ставлю задачи исчерпать содержащийся в них изобразительный и выразительный материал. Моя цель наметить в грамотах черты литературной обработки и профессиональной школы. Подьячий, не говоря о людях, „извычных книжному учению“, не всегда простой писец или только чиновник, но часто человек с литературно-художественными навыками. Подобно рисовальщику инициальных букв и заставок в рукописных книгах, старавшемуся разукрасить букву плетенкой, веточками и другими измышлениями своей художественной фантазии, более одаренный подьячий стремился стилистическими приемами привлечь внимание к словесной форме грамоты.

В грамотах обычна формула неотъемлемости и неизменности дарованных прав, построенная на повторе: „а у которых пошлинников на

¹ АЭ, т. 3, № 190, стр. 276.

² АЭ, т. 3, № 329, стр. 483.

³ АЭ, т. 2, № 188, стр. 322.

⁴ АЭ, т. 2, № 169, стр. 288.